

Пролог

В жизни каждого человека бывают ключевые годы, такие годы, которые становятся в ней вехами навсегда. Для одних это может быть год свадьбы, для других — год рождения первого ребенка. Джек Стивенсон, если бы его спросили, без колебаний выбрал бы 1995-й. Что же произошло в 1995-м? Да ничего особенного — во всяком случае, ничего, что могло бы наложить на жизнь человека отпечаток надолго. Просто Джек имел две страсти, и обе были связаны с этим годом.

6 сентября 1995 года Джек, один из бесчисленных болельщиков, сидел на стадионе «Кэмден Ярдз» в Балтиморе. Вместе с ними он был свидетелем момента, навсегда запечатленного в истории бейсбола. Кэл Рипкен-Младший, его герой, «железный человек», на его глазах побил рекорд, который считали вечным, продержавшийся пятьдесят шесть лет. Рекорд самого большого числа сыгранных подряд матчей: две тысячи шестьсот тридцать один! Рипкен увеличил его до головокружительной цифры — две тысячи шестьсот тридцать два... что составляло семнадцать лет без малейшей травмы или насморка, в общем, без единой пропущенной встречи. Ну вот,

и этот день был днем рекорда. В середине партии, когда, после пятого иннинга, он был объявлен «официальным», толпа встала, и игра была прервана. Standing ovation* продолжалась двадцать две минуты, в течение которых Рипкен обошел стадион, ударяя кулаком в ладони своих фанатов. Среди восторженных зрителей был президент Клинтон.

Второй страстью Джека была его машина. И по воле случая его «Шевроле-Импала-СС» сошла с конвейера в том же самом 1995 году. Попади она в руки другому человеку, не Джеку Стивенсону, давно была бы уже развалиной. Но эту «Импалу» 1995 года выпуска Джек всегда с любовью холил и лелеял. Новенькой она, конечно, не была, но еще производила впечатление. У Джека были средства — и с лихвой — купить себе модель поновее, и почему бы не новую «Импалу-СС»? Но последнюю модель с округлыми формами он презирал. «Бабья тачила», по его мнению. Так он говаривал иногда, лаская взглядом блестящие алюминием семнадцатидюймовые колпаки своей роскошной «мускулистой тачки», некоторые детали которой в принципе полагались только полицейским машинам. И она действительно не оставалась незамеченной в своем одеянии dark cherry metallic, то есть яркого вишнево-красного цвета с металлическим блеском.

1995 год — не такая уж седая древность, однако Джек сказал бы вам, что это было время, когда мужчины еще были мужчинами, а машины — машинами.

* Овация стоя (англ.).

Об этом ли он думал, резво катя по предместьям Балтимора в своем «Шевроле-Импала-СС»? Из нагрудного кармана теплой куртки высовывался билет — он направлялся к Ориол-парку, на «Кэмден Ярдз». Маленькая плюшевая птичка, оранжевая с черным, талисман «Балтимор Ориолс», подвешенная к зеркалу заднего вида, покачивалась у самого его носа.

На сей момент у Джека были две заботы. Первая: успеть вовремя на великолепный стадион, где будет проходить матч (19:05). Вторая: чтобы из-за мерзкой погоды, стоявшей уже несколько дней, не отменили встречу. Дождь шел почти двое суток, но сейчас перестал. В прохладном воздухе влага сконденсировалась в океан тумана, в котором «Шевроле» с трудом прокладывал себе дорогу.

Крепко держа обитый кожей руль, Джек ехал сквозь ключья тумана. Они походили на валики пены, которые выбрасывает море волна за волной. Дорога то исчезала в густых белых клубах, то вдруг появлялась в оранжевом свете высоких уличных фонарей. Стрелка спидометра тревожно клонила за отметку 80 миль в час* — выше, гораздо выше разрешенной скорости. Навстречу мчался поток огней, желтых глаз, выныривавших из ниоткуда, мигавших и исчезающих в облаках над асфальтом. Когда зрение едва различает предметы, обостряется слух. Джеку чудился жуткий непрерывный грохот, как будто навстречу мчался яростный поезд, конца которому не было.

* Почти 130 км/ч.

Он не строил никаких иллюзий. «Ориолс» стали лишь бледной тенью той команды, которой он восхищался в юности. Кэл Рипкен только один на свете. Но Джек Стивенсон был человеком верным — во всяком случае, в некоторых областях. Он был болельщиком «Ориолс» и на всю жизнь так же чувствовал себя связанным с «Шевроле-Импала-СС» 1995 года. Сердцу не прикажешь. Такие вещи не делаются по заказу.

Поэтому, несмотря на ужасающие условия, он ехал и был счастлив. Урчание мотора, билет в кармане — большего ему и не надо. И тем хуже, если через несколько часов ему придется быть свидетелем разгрома его команды в дуэли с «Твинс» из Миннесоты.

Джек Стивенсон ехал теперь через пригород невнятных очертаний в поисках развязки, которая позволила бы ему завершить свой путь. Странное это было чувство — блуждать по пейзажу, виденному сто раз, и ничего в нем не узнавать. Клубы тумана всё меняли, размывали контуры, стирали время.

Может быть, он на минуту отвлекся, а может быть, взгляд его просто остановил обманчивый ориентир. Мигающие огни, которые он принял за фары машины в его ряду? В неосозаемых гребнях белой зыби, раскинувшейся на все четыре полосы, он вдруг заплутал и, сам того не сознавая, свернул. Устремился на полной скорости под уклон по короткому ответвлению.

«Шевроле» задел разделительную полосу, съехал на встречную. Далекое дома расплывались в тумане, и видны были лишь ряды освещенных окон. Ничто Джека

не тревожило, пока он не заметил, что вдруг исчез ряд встречных огней. Он остался один в тишине словно окутанного ватой мира.

Вдруг — глухой удар, короткий, сильный, по пассажирской двери, и свет, отброшенный троицей кругов, испускающих болезненное сияние. Краем глаза Джек увидел — пьяное видение: что-то плоское, словно ракета, пролетело перед тройной луной. Широкая «Импала» мчалась прямо на темный куб, на подстриженный куст. Джек проклял эти жуткие колоссальные клумбы из бетона, которые теперь устанавливали повсюду.

Он едва успел свернуть, чтобы избежать препятствия. Ощутил тряску под колесами, изношенные амортизаторы не справлялись. Он промахнул бетонный бордюр, съехал по наклонной. От воя сирены подпрыгнуло сердце в груди, отчаянно замигали сигнальные огни, пока он возвращался в череду машин, на верный путь. Все это длилось лишь несколько мгновений. Секунда паники, крошечная черная дыра — и он снова вернулся в привычную колею. Он глубоко вздохнул, мускулы расслабились, и происшествие осталось позади вместе с последними ключьями тумана.

На подьезде к Балтимору туман совсем рассеялся. В котле города воздух был суше. Последняя развязка вела к огромным паркингам «Кэмден Ярдз». Часы на приборной доске показывали, что ему осталось минут двадцать, чтобы добраться до стадиона.

Джек вытащил двумя пальцами билет, по-прежнему торчавший из нагрудного кармана. Теперь, когда он

приехал, когда одолел туман, когда «Шевроле» был припаркован, к нему вернулась надежда. Эти «Твинс» не такие уж страшные. Мы с ними справимся. Сегодня вечером, он был в этом уверен, никто не устоит перед «Ориолс».

Хлопнула дверца, и он, будто ощутив вдруг укол совести, обошел машину и посмотрел на правое крыло. Он все-таки столкнулся с чем-то и боялся обнаружить вмятину или по крайней мере серьезную царапину. Этот цвет dark cherry metallic нелегко было найти, любая покраска была проблемой и стоила бешеных денег. На первый взгляд все было в порядке. Ни деформации, ни царапин, но... он сам не знал что. Он наклонился. Кажется, грязь. Нехорошие потеки. На вишневой поверхности все выглядело тусклым. Скорее бурое, чем красное, и крошилось под ногтем. Вообще-то почти ничего, но Джеку это не понравилось. Совсем не понравилось.

УОЛДЕН

Двенадцать лет, семь месяцев и три дня

Когда ждешь худшего, не может быть ни удивления, ни разочарования. Джек, однако, чувствовал, как в нем поднимается гнев. Мальчишка — ничтожество, он об этом догадывался, но зрелище, которое он видел вот уже двадцать минут, показало ему нечто другое, что было гораздо труднее вынести. До такой степени ничтожеством можно было быть только нарочно. Уолден, когда мяч летел в его сторону, едва поднимал руку. Когда надо было бежать с одной базы на другую, он еле волочил ноги и как будто искал дорогу. Теперь он шел к дому, понунив голову, таща за собой свою биту, как каторжник ядро.

Ну вот, его очередь. Уолден как будто принял позу, напряг мускулы, сосредоточился, готовый ударить. Баттер не дал себе труда сделать обманное движение и даже разнообразить траектории. Трижды мяч пролетел под носом мальчишки, который едва шевельнулся. Нет, вот ведь, на третьем ударе он все-таки попытал счастья и наобум хлестнул по воздуху. Скорее всего, даже зажмурился. Три мяча, тридцать секунд, и Уолден был удален.

К сожалению, остальным он был не нужен, чтобы продолжить партию. Джеку придется ещё изрядно потерпеть.

Чтобы убить время и унять раздражение, Джек рассматривал тех, кто, как и он, ждал у ограды за пределами поля. Родители, в основном мужчины. Некоторые волновались, подбадривали своих чад громкими криками, приветствовали уверенный удар или отбитый твердой рукой мяч. Среди малышни было несколько пацанов, умеющих обращаться с битой. Джек старался не встречаться взглядом с раздувающимися от гордости отцами. Он слишком боялся, как бы его не спросили: «А ваш который?»

«Да вон тот нескладеха, видите, бегаёт, выворачивая ноги, и принимает свою битку за трость».

Он преувеличивал. Уолден вовсе не был нескладехой. Он просто плевать хотел на бейсбол с высокой колокольни. Не больше энтузиазма он выказывал под баскетбольной корзиной или на катке. Уолден не любил спорт, не любил физические усилия. Даже стрельба была ему скучна, хотя стрелял он неплохо, когда хотел. Он предпочитал книги, модели самолетов, пластилин. Еще в прошлом году Джек застал его играющим с пластмассовыми динозаврами. Что ж, пора было Уолдену кое-что понять, и быстро!

Джек задумался с внезапной тревогой, хватит ли его сыну силенок встретить то, что он ему готовил. Сказать по правде, он побаивался узнать

ответ. Но он долго над этим думал. В его решении были недостатки, конечно, еще какие недостатки, но было и большое, огромное преимущество: он был уверен, что Уолден выйдет из этого испытания окрепшим. Если все будет хорошо, в конце истории Уолден станет мужчиной.

Ему хватило одного взгляда, чтобы разувериться. Партия закончилась, Уолден направлялся к низкому строению в конце поля. Принять душ, собрать вещи, еще потерянные минуты. Уолден шел один, погруженный в свои мысли, будто и не принадлежал к команде.

— Что ж, — пробормотал Джек, — если ты так любишь одиночество, надеюсь, получишь по полной.

С сумкой на плече, с битой под мышкой, с подвешенной к поясу перчаткой, Уолден еще утирал мокрый лоб под примятыми горячей водой волосами. На губах его играла неуверенная улыбка: отец еще с утра предупредил, что будет ждать его после матча, но он не знал, чему обязан такой честью.

— Доволен собой? — спросил его Джек.

— Нормально.

— В самом деле?

— Мы выиграли. Кажется.

— Мог хотя бы научиться считать. Нам сюда.

— Куда мы едем?

— Сюрприз...

«Шевроле» был припаркован под деревом. Уолден бросил сумку на заднее сиденье и сел рядом с отцом.